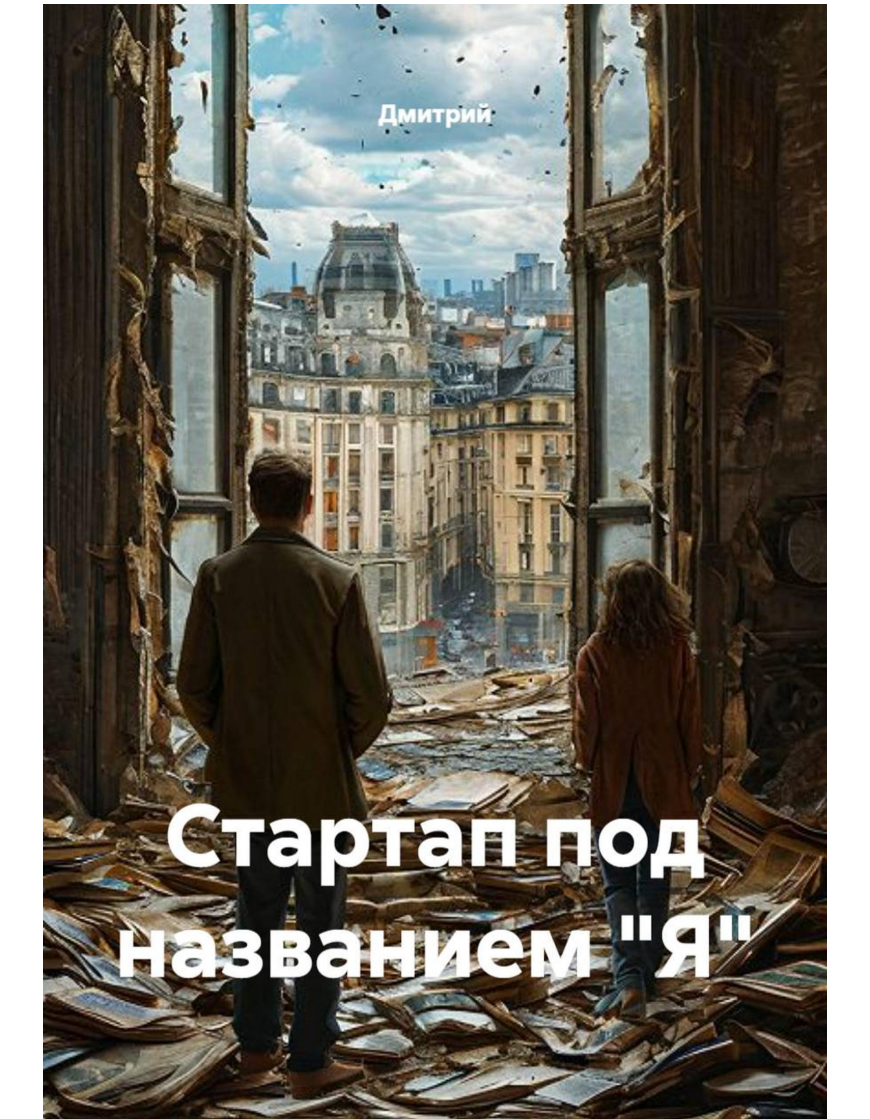

A man and a woman are seen from behind, standing in a room that has been completely destroyed. The floor is covered in a thick layer of rubble, including broken wood, paper, and debris. The walls are crumbling, and the large windows are shattered, with glass shards still hanging in the air. Through the broken windows, a cityscape is visible under a cloudy sky. The central building in the city has a prominent dome. The overall atmosphere is one of desolation and contemplation.

Дмитрий

Стартап под названием "Я"

Дмитрий Дмитрий

Стартап под названием "Я"

<https://litres.ru/74363888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда рушится бизнес, кажется, что мир сужается до размеров кредитных долгов. Когда рушится семья — ты остаешься один в пустой квартире, где еще вчера звучал детский смех. Я прошел через это одновременно. В 30 с небольшим я потерял всё: деньги, статус, первую семью и веру в себя.

Но именно на дне я встретил ту, которая посмотрела на меня не как на банкрота, а как на человека, которому просто нужен второй шанс. Эта книга — откровенный дневник мужчины, который собрал себя по кусочкам. Как из пепла развода и финансового коллапса родился новый бизнес, новая любовь и новый я. Это не история успеха лайфхакера. Это история воскрешения.

Дмитрий

Стартап под названием "Я"

Глава 1

Глава 1. «Зима, которая длилась год»

(2014. Свадьба. Начало конца)

Мне было чуть больше двадцати. В том возрасте кажется, что жизнь — это прямая дорога, а все препятствия — просто пыль на обочине. Мы играли свадьбу в 2014-м. Она была в белом платье, немного неловкая от беременности, которая уже начала округлять живот. Я смотрел на неё и верил: у нас всё получится. У меня есть работа, стабильная зарплата, пусть и небольшая. Главное — стабильность. Я тогда ещё не знал, что стабильность в нашей жизни будет означать только одно: **стабильные проблемы**.

Мы снимали квартиру. Маленькую, с вечно текущим краном на кухне и батареями, которые грели только когда во дворе трещал мороз. Она хотела уюта, я хотел тишины. А вместо этого у нас были счета, съемные метры и моя работа, которая требовала одного: **ехать**.

Командировки

Я работал в найме. Выездной специалист. Месяцами пропадал на объектах в других городах. Грязь, бетон, дешевые гостиницы с казенными простынями. Я приезжал домой на выходные, а иногда — раз в две недели. Зарплата была небольшой, но регулярной. Мы могли планировать бюджет, покупать продукты, откладывать по чуть-чуть на детскую коляску. Но в этой схеме был один фатальный изъян — **ревность**.

Каждый мой звонок из командировки заканчивался допросом:— *«Где ты? С кем? Почему не скинул геолокацию? А почему в трубке женский голос?»* Это был голос администратора гостиницы. Но она слышала только угрозу. Она жила с родителями в моё отсутствие, и я не винил её — сама беременная, в пустой квартире сидеть страшно. Но вместо того, чтобы быть ей опорой, я превратился в должника, который постоянно отчитывается.

Самый страшный звук в моей жизни — это звук открывающейся двери моей пустой квартиры, когда я возвращался из командировки. Тишина. Холодный чайник. Немытая кружка. Запах чужой жизни, которая проходила здесь без меня. Я скидывал рюкзак, ложился на диван и смотрел в потолок. Это было не гнездо. Это был транзитный пункт. Я чувствовал себя командировочным даже в собственном доме.

Третий лишний — родители

Если я был «внешним врагом», то моими «внутренними врагами» стали её родители. Они лезли во всё. В наши финансы, в наши планы, в наши ссоры. Мы не могли решить, куда повесить полку, чтобы это не стало темой для семейного совета на их кухне.

А потом начались деньги.

Однажды она сказала мне, спокойно, как о чём-то обыденном:— *«Я взяла кредит. Родителям нужно было на ремонт. Они отдадут».*

Я онемел. Мы сами едва сводили концы с концами, у нас рос ребенок, а она брала на себя обязательства на годы вперед. Я кричал. Она плакала. Её родители пожимали плечами: *«Ну, бывает, отдадим позже».*

Они не отдали ни копейки.

Это был первый кирпич в стене, которая рухнула на нас позже. Мы платили за чужой ремонт, за чужой комфорт. Наши доходы таяли, как снег в апреле. Начались кредиты, чтобы закрывать кредиты. Это колесо сансары, в которое я попал, не успев даже понять, как за меня сделали этот выбор.

Финал спектакля с машиной

Самый низкий момент — история с автомобилем.

У её родителей было пятеро детей. Машина была нужна как воздух. И мои родители, люди добрые и по-деревенски доверчивые, решили помочь. Купили им авто. Не старье, а нормальное, на ходу. Условие было простым: *«Мы помогаем вам, вы платите нам понемногу, когда сможете»*. Это был жест доверия. Семья ведь.

Они «кинули» моих родителей. Как по нотам.

Я не помню, как выглядело лицо моего отца, когда он узнал об этом. По телефону он сказал коротко: *«Ну, значит, так. Забирай машину»*.

И я забрал. Представляешь? Я, зять, пришел и забрал машину у родителей своей жены. Скандал был такой, что, наверное, слышала вся улица. Она кричала на меня, что я «уничтожил её семью». Я кричал, что они уничтожили мою — влезли в долги, в наши отношения, в мой сон.

Мы разбились вдребезги в тот день. Хотя всё ещё жили в одной квартире.

Февраль 2015

В этом аду, в этом скрежете кредитов, взаимных обвинений и пустых холодильников — **она родила Сына.**

Я держал его на руках в роддоме. Он был такой маленький, такой чужой и такой родной одновременно. Его ладошка не могла обхватить даже мой палец. Я смотрел на него и думал: *«Прости меня. За то, что ты родился не в мир, а в этот долбаный хаос»*. Жена смотрела на меня с усталостью. Я смотрел на неё с пустотой. Ребенок был между нами, как перемирие. Но мы оба знали: это перемирие продлится недолго.

Жена смотрела на меня с усталостью. Я смотрел на неё с пустотой. Ребенок был между нами, как перемирие. Но мы оба знали: это перемирие продлится недолго.

Встреча у роддома была первой трещиной. Я приехал забрать их, мы собирались поехать к моим родителям — показать внука, порадоваться. Но жена уже тогда, в машине, сидела с каменным лицом. Она не хотела ехать. Она сказала, что «устала» и что «ей комфортнее у своих». Я настоял, мы поехали. Мои родители ждали накрытый стол, волновались. Когда мы вошли, мама протянула руки к внуку, но жена инстинктивно прижала его к себе, как будто боялась, что его отнимут. Я видел, как потухли глаза моей матери. Она убрала руки и сказала: *«Ничего, пусть привыкнет»*.

Это был не просто жест недоверия. Это было начало войны за ребенка. Она не доверяла моим родителям категорически. Якобы они «не умеют обращаться с младенцами», «слишком старые», «у них грязно». Я пытался спорить, но натыкался на стену. Она редко соглашалась ездить к ним в гости, а если и приезжала — сидела с сыном на руках, не отпуская его ни на секунду. Мои родители страдали в тишине. Они не видели внука месяцами. А я чувствовал себя предателем — и перед ними, и перед ней. Между двух огней.

Быт начал нас съедать окончательно. Она уехала жить к своим родителям — «так спокойнее», сказала она. Я возвращался из командировок в пустую квартиру, где уже не пахло ей, не пахло жизнью. Чтобы увидеть сына, я должен был ехать к её родителям. И каждый раз — это было испытание. Чужие стены, их вездесущие советы, их косые взгляды. Я был там гостем, а не мужем и отцом.

Ревность стала просто безумной. Она звонила мне по десять раз за смену, проверяла, где я, требовала фото, видеоотчёты. Если я не отвечал пять минут — начинался скандал по телефону. Я прятался в туалете гостиницы, чтобы просто перевести дыхание. **Секс исчез.** Сначала редко, потом совсем. Она ссылалась на усталость, на ребенка, на «не те условия». Но я видел, что дело не в условиях. Она просто перестала видеть во мне мужчину. Я стал для неё источником денег, проблем и раздражения.

Я пытался поговорить. По-человечески. Говорил, что так

жить нельзя, что нам нужно снова быть вместе, строить семью, а не существовать параллельно. Она отвечала: *«Ты ничего не понимаешь. Ты постоянно в командировках. Ты бросил меня с ребёнком»*. Я не мог объяснить ей, что я вкалываю на этой дурацкой работе, чтобы она могла не работать, чтобы у нас были деньги на еду, памперсы, аренду. Она не слышала.

Июнь 2015 года. Мы поссорились в очередной раз — уже не помню из-за чего. Наверное, из-за моих родителей, или из-за денег, или из-за того, что я приехал на выходные, а она устроила мне скандал, потому что я не купил ей духи. Я собирал вещи в съёмной квартире. Руки тряслись. Я устал так, как никогда в жизни. Устал от криков, от допросов, от того, что мой сын растёт без отца — но я рядом, я же здесь! Я устал быть врагом для собственной жены.

Я закинул рюкзак в машину. Посмотрел на эту квартиру — наши обои, наша мебель, наша разбитая жизнь. И сказал себе: *«Я больше не могу»*. Я уехал. Не к родителям, а просто — в никуда. Сдал эту квартиру. Мы разошлись в первый раз.

Я не знал, что будет дальше. Знаю только одно: когда я захлопнул дверь машины, я впервые за два года выдохнул. Не от счастья. От облегчения, что этот бесконечный шум в голове прекратился. Но в груди была пустота. Холодная, липкая пустота. Мой сын спал в это время у своих бабушки с дедушкой. Он не знал, что его отец только что сбежал из собственной семьи.

Глава 2

Глава 2. «Дождь у подъезда»

(Июнь 2015 — январь 2016)

Я вернулся в родительский дом. В комнату, где когда-то был подростком. Те же обои, тот же письменный стол, те же книжки на полках. Только теперь я сидел на кровати и не знал, куда себя деть. Отец молчал. Мать пыталась кормить меня, но я не мог проглотить ни куска.

Бессонные ночи стали моими единственными собеседниками. Я лежал с открытыми глазами до четырёх, до пяти утра. Смотрел в потолок и прокручивал в голове ссоры, цифры долгов, лица. В голове гудело. Я боялся закрывать глаза — потому что тогда начинались картинки: пустая квартира, записка на столе, крик жены. Я вставал, пил воду, садился на кухню, смотрел в окно. За окном была тихая улица, фонари, пустота. Я чувствовал себя призраком в собственном теле.

Сын

Самое сильное, что держало меня на плаву, — это **встречи с сыном**. Я звонил бывшей жене, умолял разрешить увидеть ребёнка. Иногда разрешала. Я брал его на прогулки — в парк, на детскую площадку. Ему было всего несколько месяцев, но я носил его на руках, катал в коляске, показывал голубей. Я вдыхал его запах, гладил по голове и шептал: *«Я люблю тебя. Ты мой самый родной человек»*.

Мы гуляли час-полтора. Потом я должен был отдать его обратно. Каждый раз это было как нож в сердце. Я стоял у подъезда, смотрел, как его забирают, и слышал, как он плачет, когда дверь закрывается. Я садился в машину, зажигал сигарету, смотрел на окна и молчал. Я так скучал по нему, что внутри всё выло.

Эти встречи были редкими и короткими. Она всегда торопилась, всегда ставила условия. Я просил чаще — она отказывала. Я превратился в просителя, в жалкого человека, который умоляет о праве быть отцом.

Попытка вернуть

В июле я решил: **я верну её**. Любой ценой. Я не мог жить без сына. Я не мог жить с чувством, что разрушил семью. Я начал ездить к ней, стоять под подъездом, ждать, пока она выйдет. Мы разговаривали на улице, в машине, иногда — в кафе. Я просил, уговаривал, обещал. Она молчала или говорила колкости. Я приезжал с цветами, подарками. Она принимала, но холодно.

Ночи под дождём у её подъезда стали моей традицией. Я сидел в машине, смотрел на свет в её окне и ждал. Ждал, что она выйдет, подойдёт, обнимет. Иногда она выходила, но только чтобы сказать: *«Уезжай. Я устала»*. Я уезжал. На следующий день приезжал снова.

Я потерял счёт дням. Я перестал есть, перестал спать. Я жил одной мыслью: **вернуть семью**. Но она не хотела. А может, хотела, но боялась. Или просто мучила меня. Я не знаю. Я только знал, что без них пустота становится невыносимой.

Август 2015. Попытка начать заново

Неожиданно она согласилась. *«Давай попробуем ещё раз, но жить будем у твоих родителей. Снимем половину дома»*. Я был на седьмом небе. Мы переехали к моим родителям, отгородили часть дома — отдельная кухня, комната. Мы планировали строительство — хотели пристроить веранду, сделать детскую. Я вкладывал последние деньги. Мне казалось, что начинается новая жизнь.

Анастасия (так звали мою жену) восстановилась в колледже, где училась до беременности. Она хотела закончить образование. Я поддерживал её, радовался, что у неё есть цель. Днём она училась, вечерами мы были вместе, гуляли с сыном. Я работал, командировки продолжались, но я старался быть дома чаще.

Но она не ладила с моими родителями. С самого начала. Моя мама пыталась помочь, советовала, заботилась о внуке, но Анастасия воспринимала это в штыки. *«Она лезет, она указывает, она считает, что я плохая мать»* — жаловалась она. Я был между двух огней. Мама плакала втихую, жена злилась. Дом стал не местом мира, а полем битвы.

Мы жили в отгороженной половине, но стены были тонкими. Каждый шёпот, каждый шаг — всё было на слуху. Мои родители старались не вмешиваться, но Анастасия видела врага в каждом их слове. Я уговаривал её: *«Они просто хо-*

тят помочь». Она не слышала. Конфликты нарастали с каждым днём. Строительство, которое мы планировали, так и не началось — денег не было, а ссоры забирали все силы.

Ревность

Но стало хуже. Она начала одеваться странно. Вульгарно, я бы сказал. Юбки короче, декольте глубже, макияж ярче — и всё это в колледж. Я начал замечать, что она задерживается, переписывается с кем-то в телефоне, улыбается экрану. Внутри закипала ревность. Я пытался спросить — она отмахивалась: *«Ты везде видишь измену, ты параноик»*.

Но я не был параноиком.

В начале декабря я не выдержал и тайком заглянул в её телефон. Увидел переписку. С одним из однокурсников. Ему был **31 год**. На десять лет старше. Он был одного года рождения с её отцом. Она писала ему комплименты, отправляла фото, они договаривались о встречах. Я прочитал несколько сообщений — и внутри всё рухнуло.

Я не сказал ей сразу. Я молчал, готовился к Новому году. Думал: *«Может, это просто флирт, может, я преувеличиваю»*. Я хотел верить, что это не серьёзно. Я хотел, чтобы **Новый год 2016** стал нашим праздником, новой точкой отсчёта. Мы накрыли стол, посадили сына рядом, загадали желание. Я поднял бокал и сказал: *«Пусть всё будет хорошо»*. Она улыбнулась. Но улыбка была чужой.

Рождество 6 января 2016 года

Этот день я запомню навсегда.

Мы сидели дома у моих родителей. Сын спал. Я взял её телефон — она оставила его на столе. Зашёл в переписку. **Я прочитал всё.** Комплименты: *«Ты красивая», «Ты умная», «Ты не такая, как все»*. Их тайные встречи — она говорила ему, что «всё сложно дома», что она «несчастлива». Он отвечал, что «понимает» и «будет ждать». Они не переспали (или я не нашёл доказательств), но это была измена души. Она отдавала ему своё тепло, которое должна была отдавать мне.

Я не выдержал. Я подошёл к ней, швырнул телефон на стол и крикнул: *«Это что?! Ты встречаешься с ним?!»* Она побледнела. Начала оправдываться: *«Это просто друг, ты ничего не понимаешь»*. Но я видел правду. Мы закричали. Праздник превратился в ад. Сын проснулся и заплакал. Она побежала к нему, а я стоял посреди комнаты и дрожал от злости и боли. Мои родители слышали всё. Мама вышла из своей комнаты, но я крикнул: *«Не лезь!»* — и она ушла, закрыв дверь.

Я выгнал её. Сказал: *«Собирай вещи и убирайся»*. Она не спорила. Начала собирать сумку, прижимая к себе плачущего сына. Я сам не верил, что говорю это, но внутри было так пусто и холодно, что я не мог остановиться.

И тут я услышал **стук в дверь**.

Я открыл. На пороге стоял он. Тот самый. Стоял и смотрел на меня с наглой уверенностью. Он приехал за ней. Я не знаю, как он узнал адрес моих родителей. Она, видимо, скинула ему геолокацию. В ту же минуту. Он пришёл забрать чужую жену, чужую мать моего сына.

Я стоял в дверях, смотрел на него и не мог вымолвить ни слова. В горле стоял ком. Я видел его глаза — в них не было вины. Только вызов. Я не ударил его. Я просто отошёл. Сказал: «*Забирай*». И она вышла. С сумкой, с ребёнком на руках, и села в его машину. Он даже не помог ей открыть дверь. Я смотрел, как они уезжают, как габаритные огни исчезают в темноте.

Я стоял на пороге родительского дома. Захлопнул дверь. Сел на пол в коридоре. Наступила тишина. Мама вышла, села рядом, обняла меня, но я ничего не чувствовал. Внутри была только пустота.

Развод

Она уехала к родителям. Он тоже был женат, у него был свой ребёнок, но ему было всё равно. Он влез в нашу семью и разбил её. Мы подали на развод. Я не боролся. У меня не было ни сил, ни денег, ни желания. Я просто подписал бумаги. Анастасия стала моей бывшей женой. Сын остался с ней.

Зима — весна 2016

Я ушёл в **долгие командировки**. Уезжал на недели, на месяцы. Работал как проклятый. Зарабатывал, чтобы отдавать долги и платить алименты. Но внутри меня уже ничего не было. Пустота стала моим постоянным спутником.

Алкоголь пришёл как обезболивающее. Я начал пить в гостиницах, один, под телевизор. Бутылка водки, закуска, белый шум. Я пил, чтобы уснуть. Чтобы забыть. Утром — снова работа, снова бетон, снова чужие города. Вечером — опять бутылка.

Она звонила мне. Постоянно. Не чтобы помириться, а чтобы **манипулировать**. Она говорила: *«Ты плохой отец», «Ты бросил сына», «Ты никому не нужен»*. Она решала, когда я могу видеть ребёнка, и постоянно меняла условия. Я не мог защититься. Я только молча слушал и после каждого звонка напивался до беспамятства.

Стресс съедал меня. Я не хотел жить. Я думал о том, чтобы уйти совсем. Останавливало только одно: мой сын. Если я исчезну, он вырастет без отца. Я не мог допустить этого. Я держался. Зубами. Но каждую ночь я смотрел в потолок гостиничного номера и шептал: *«Зачем я живу?»*

Я **скучал по сыну** с такой силой, что физически болел. Я не видел его месяцами. А когда видел — он уже не узнавал меня. Я приезжал, дарил игрушки, но он отворачивался. И

это было большее, чем любой скандал.

Точка

Я сидел однажды в гостинице, в очередном городе. Было около трёх ночи. Я допил бутылку, смотрел на свои руки, грязные, в цементе. И вдруг в голове пронеслась мысль: *«А что, если всё это — не наказание? Что, если это — экзамен?»*

Я не знал ответа. Но я понял, что если я сейчас не проснусь, если не перестану пить, если не начну что-то делать — я просто умру. И мой сын никогда не узнает, каким мог быть его отец.

Я затушил сигарету, лёг на кровать и закрыл глаза. Впервые за долгие месяцы я не думал о ней, о нём, о долгах. Я думал о том, как поднять себя с колен.

А потом, словно кто-то дёрнул за ниточку памяти, я вдруг вспомнил её. Ту самую. С которой мы когда-то играли во дворе, когда нам было по тринадцать-четырнадцать лет. Вечерние посиделки на лавочке, смех, первые глупые признания. Потом судьба развела — школы, компании, жизнь. Я даже не знал, где она сейчас. Но вдруг образ всплыл так ярко, будто это было вчера.

Я тогда не придавал этому значения. Просто уснул.

А через несколько дней позвонила **двоюродная сестра**. Просто так, по-родственному. Поговорили о том о сём, а потом она вдруг сказала:— *«Слушай, а помнишь ту девочку, с*

которой вы в детстве дружили? Ну, из нашего двора? Мы недавно встретились, она спрашивала о тебе. Хочешь, я дам её номер?»

Я замешкался. В груди кольнуло. Я не знал, готов ли я вообще к каким-то новым контактам. Но внутри что-то ёкнуло. Я сказал: *«Дай подумать»*.

Прошло несколько дней. Я перебирал в голове те далёкие вечера, наши разговоры, её улыбку. И вдруг понял — **я хочу её услышать**. Хотя бы просто услышать. Мне нечего было терять. **12 февраля 2016 года** я взял телефон, нашёл номер, который скинула сестра, и нажал «Вызов». Сердце билось быстрее, чем во время любого скандала. Я не знал, что скажу, но знал точно: **ЭТОТ ЗВОНОК ИЗМЕНИТ МОЮ ЖИЗНЬ**.

Глава 3

Глава 3. «Звонок, который всё изменил»

(Февраль — март 2016)

Телефон долго гудел в трубке. Я уже хотел сбросить, подумать, что это глупо, что прошло столько лет, что я ничего не знаю о ней, что я просто смешон со своей разбитой жизнью. Но вдруг — щелчок, и голос, который я сразу узнал.

— *Алло?*

В горле пересохло. Я выдавил:— *Привет... Это я. Помнишь меня?*

Пауза. Пара секунд, которые длились вечность. А потом она рассмеялась — тем самым смехом, который я помнил ещё с детства. И сказала:— *Конечно, помню. Я ждала твоего звонка.*

Неловкий разговор

Мы говорили больше часа. Сначала неловко, сбивчиво, перебивая друг друга. Я не знал, что спрашивать, она не знала, что отвечать. Мы перебрасывались общими фразами: «*Как ты?»*, «*Что нового?»*, «*Давно не виделись*». Но внутри кипело любопытство. Мы оба чувствовали, что этот разговор — не случайность.

Она рассказала, что у неё есть **дочь**. Ей было два с половиной года. Прекрасная девочка, её гордость и радость. Ольга растила её одна. Отец ребёнка не участвовал в жизни, не помогал, и она справлялась сама, как могла. Жизнь у неё тоже не шла в гору — работа, быт, бесконечные заботы. Она устала, но держалась. Я слушал её и вдруг понял: **мы похожи**. Мы оба несли свой крест, просто каждый — свой.

Она спросила про меня. Я сказал коротко: «Развелся, сын живёт с бывшей женой, много работаю, всё сложно». Не хотел грузить её подробностями. Но она почувствовала боль. И сказала просто:— *Я понимаю. Давай встретимся, когда ты приедешь из командировки?*

Я согласился. Мы обменялись парой фраз, и я положил трубку. Внутри было странное чувство — смесь надежды и страха. Я сидел в гостинице, смотрел на телефон и не верил, что это произошло.

Февраль. Быстрые встречи проездом

В феврале у меня были короткие командировки, и я пару раз заезжал в город проездом. Мы встретились с Ольгой дважды — буквально на час-полтора. Кофе, прогулка, быстрые разговоры. Я смотрел на неё и не мог поверить, что эта женщина — та самая девочка из детства. Она была другой, но в то же время такой родной.

Мы не целовались, не говорили о любви. Просто были рядом. Я чувствовал тепло, которое давно забыл. Но внутри сидел страх — я боялся, что всё повторится, что я снова не справлюсь. Поэтому я не спешил, не давил, просто наслаждался этими короткими моментами.

А потом снова командировки. Снова гостиницы, бетон, пыль. И мысли о ней.

Снова ночи с алкоголем

Но после разговоров и встреч наступали длинные ночи с алкоголем. Я пил снова — не от отчаяния, а от непонимания. Что я делаю? Только что разрушил одну семью, а теперь лезу в новые отношения? Я чувствовал себя предателем. Перед собой, перед сыном, перед теми правилами, которые сам себе придумал.

Я винил себя. В разводе, в том, что не удержал семью, в том, что сын растёт без отца. А теперь — и в том, что я снова хочу быть с кем-то. Мне казалось, что я не имею права на счастье. Я не заслужил его.

Каждую ночь я лежал в гостинице, смотрел в потолок, крутил в голове наши разговоры и сомневался. **А надо ли это мне? А не станет ли только хуже? А что если я снова облажаюсь?** Страх был липким, тягучим, как тот алкоголь, которым я заливал его.

Но Ольга не выходила у меня из головы. Её голос, её смех, её слова — они грели где-то внутри. И я не мог это остановить.

Март. Первое свидание в кино

В марте я снова вернулся в город и мы договорились о полноценной встрече. Я пригласил её в кино. Мы выбрали какой-то фильм, я уже не помню название. Помню только, как мы сидели в темноте, я чувствовал её рядом, и сердце билось быстрее, чем у нормального человека.

После кино мы гуляли по вечернему городу. Говорили обо всём на свете. И вдруг я сказал:— *Оль, хочешь, зайдём к моим родителям? Они будут рады тебя увидеть.*

Она согласилась. Не знаю, почему я решил показать её родителям так быстро. Может, хотел, чтобы они увидели, что я не один, что у меня есть кто-то, кто меня держит. Мои родители встретили её настороженно, но вежливо. Мама накрыла на стол, отец разливал чай. Ольга была спокойна, улыбалась, разговаривала. Я смотрел на неё и думал: «А ведь она вписывается в нашу семью».

Командировка и решение

Потом снова командировка. Долгая, на несколько недель. Мы созванивались каждый день, писали друг другу. Она ждала меня, я ждал её. И я понял, что больше не хочу ждать. **7 марта** я набрал ей и сказал:— *Оль, давай попробуем жить вместе. Я хочу быть с тобой.*

Она молчала несколько секунд, а потом тихо ответила:— *Я согласна.*

Я поехал забирать её из села, где она жила с дочерью. Мы собрали её вещи, посадили девочку в машину и поехали в город. Я чувствовал, что начинается новая жизнь. Но я даже не представлял, какие испытания нас ждут.

Бывшая жена начинает войну

Как только Анастасия узнала, что я живу с другой женщиной, она взбесилась. Звонки стали постоянными — с угрозами, скандалами, ультиматумами.

— *Ты не будешь видеть сына! Я не дам тебе его! Ты бросил семью ради какой-то шлюхи!* — кричала она в трубку.

Я пытался объяснить, что она сама ушла к другому, что она выбрала Сергея. Она не слышала. Она говорила, что я виноват во всём, что я разрушил семью, что я плохой отец. Она запрещала мне видеться с сыном, давала его только по выходным, и то — редко. Каждый раз я должен был умолять, просить, унижаться.

Я рвался к сыну. Я скучал по нему так, что физически болел. Но Анастасия использовала его как оружие. Она манипулировала, давила, выкручивала руки. А я не мог ничего сделать — мы ещё не были официально разведены, и юридически она была права.

Знакомство детей

В марте случилось первое знакомство моего сына и дочери Ольги. Мы устроили прогулку в парке. Сын был ещё маленький, дочке Ольги тоже. Они играли в песочнице, смеялись, не понимая, что их родители переживают ад. Я смотрел на них и думал: «А ведь они могли бы быть братом и сестрой. Если мы справимся».

Но внутри я был разбит. Суд был впереди — мы ещё не развелись с Настей. Долгожданный суд, который должен был поставить точку.

Ужасный быт

Мы сняли квартиру. Начался быт. И он оказался ужасным. Я не мог забыть Настю. В голове постоянно всплывали образы, сцены, ссоры. И я начал путать имена. Я называл Ольгу Настей. Она взрывалась.

— Ты вообще видишь, кто перед тобой?! Я не она! Я не твоя бывшая!

Я пытался объяснить, что это случайно, что я не хочу, что я люблю её. Но слова звучали фальшиво. Скандалы стали нашими постоянными спутниками. Ругань, крики, слёзы. Ольга плакала, я злился. Мы не могли найти общий язык. Я выгонял её из квартиры — вместе с дочерью. Она уходила, а я оставался один и пил. Алкоголь снова стал моим лекарством и ядом одновременно.

Я не узнавал себя. Я был злым, раздражённым, разбитым. Я хотел, чтобы всё было хорошо, но у меня не получалось. Крыша ехала. Я не знал, как остановиться.

Беременность

И в марте, в этом хаосе, Ольга сказала мне:

— *Я беременна.*

Мир остановился. Я смотрел на неё и не мог вымолвить ни слова. Внутри всё перевернулось. Я не был готов. Я боялся. Я не знал, справлюсь ли я. Но она стояла передо мной и ждала ответа. Я сказал:

— *Мы справимся.*

А потом был серьёзный разговор с её мамой. Она приехала в город, чтобы поговорить со мной. Мы сидели на кухне, и она смотрела на меня тяжёлым взглядом.

— *Ты знаешь, что у тебя сложная ситуация. Ты ещё не разведён, у тебя долги, ты пьёшь. Что ты можешь дать моей дочери и моей внучке?*

Я молчал. Я не знал, что ответить. Но внутри что-то щёлкнуло. Я сказал:

— *Я люблю вашу дочь. Я хочу быть с ней. Я исправлюсь. Я сделаю всё, чтобы она была счастлива.*

Она долго смотрела на меня. Потом вздохнула и сказала:

— *Смотри, не подведи.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.